

всю кровь, ужас, грязь и бессмысленную подлость марксистско-ленинского разгула, все же вырисовываются контуры какого-то нового экономического строя и новых социальных взаимоотношений, которые, быть может, послужат новой исторической категорией: социализма.

Лев Закутин.

РЕЛИГИЯ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Теперь это уже стало общим местом. Даже люди, привыкшие всю действительность общества сводить к экономическим и юридическим отношениям, с беспокойством говорят о какой-то «мистике» национал-социализма. Но большей частью это выражение употребляется в самом неопределенном смысле, не связанном ни с какими конкретными представлениями.

Года два тому назад в «Современных Записках» в статье «Новая религия» К. Грюнвальд дал интересный очерк той религиозной «реформации», какой сопровождалась гитлеровская революция. В русской эмигрантской мысли эта статья осталась без всякого отклика. Для большинства наших интеллигентов, даже и порвавших с марксизмом, эта идеологическая надстройка, в которой сами создатели национал-социализма видят основу всей организации Рейха — нечто несущественное, ничего не объясняющее в структуре того тоталитарного государства, которое возникло в Германии.

Это отношение мне кажется ошибочным. Создание тоталитарного общества неразрывно связано с распространением определенной формы религиозности. Это только две стороны одного и того же социального феномена.

Начнем с «манифестированного» выражения этой новой религии.

Как ни страшно это признать, национал-социализм в карикатурно-искаженной форме осуществляет вековую мечту немецкой интеллектуальной элиты — чаяние над-конфессиональной, единой национальной религии, «германского христианства»; осуществление которого явится миссией лютеранской Пруссии и католической Австрии, слившихся в единую Германию.

От Гердера до Чемберлена все пышнее расцветает традиция германизма, антисемитизма и противопоставления германского Volkstum'a романтиков абстрактности европейских интернационалов — католического, либерально-капиталистического и социалистического.

Это слово — Volkstum, впервые было придумано John'ом, для обозначения понятия нации, не как плода общественного договора, а как живого органического существа. Это соборная сущность народа,

его движущаяся жизнь, его силы зачатия и возрождения, то, что соединяет всех индивидуумов, составляющих нацию, в одну общность, сообщающую всем им одинаковое сознание и чувства.

К концу 19-го века, когда началась распространяться мысль, что религия и культура определяются свойствами крови, физиологически и расовыми качествами, «германское христианство» окончательно принимает тот упрощенный и лже-пророческий характер, с которым в готовом виде оно перешло в религию национал-социализма.

В основе этой религии лежит учение Гердера, переносившего на нацию идею церкви, как мистического «Corpus Christianum», и соборности, предсуществующей своим членам. Идеологи национал-социализма беспрерывно возвращаются к этим понятиям, уподобляя связь индивидуума с народом соединению души с личностью и волей Бога в мистическом опыте.

Собственно вся сущность «позитивного» христианства в расизме и сводится к систематическому идолопоклонническому возведению расы, государства и социальной иерархии до степени религиозных категорий.

Царство Божие — Рейх.

Царство Сатаны — католичество, капиталистический либерализм, коммунистический марксизм и все другие порождения иудаизма, определяемого Розенбергом, «как существенная форма первородного греха». «Никто не удивится, говорит Гитлер, если в нашем народе олицетворение Дьявола, символа зла, принимает телесный образ Еврея».

Движение «немецкой веры» еще более «углубляет» эту пародийную тенденцию.

Наша церковь — германский фатерланд.

Наша Библия — немецкая душа.

Наши священники — все немцы, преисполненные сознания своей расы.

Наше исповедование — кровь и земля.

«Я верую в Немца, владыку над самим собою, рожденного под северным небом, страдавшего от папистов и последователей Мамонны, воскресшего после десятилетия страданий и отчаянья, из мрака национальной смерти..., восседающего рядом со своим Братом Назарином, одесную Предвечного...».

Огромное количество подобных текстов, приводимых Э. Вермеем в его обширном труде «Доктрины немецкой революции»¹⁾, свидетельствует, что представление о национал-социализме как о новой религии является одним из существенных моментов в сознании всех его вождей и апологетов. Сам Гитлер почитает себя реформатором, облеченным священной миссией и выражающим томление масс и волю Расы. Геббельс называет нацизм верой и настоящей религией, провоз-

1) Edmond Vermeil. Doctrinaires de la révolution allemande.

глашающей новое Евангелие, за которое стоит умирать. Розенберг носится с идеей пятого Евангелия, Евангелия национальной чести, не допускающей на ряду с собой никаких равных ценностей. Роберт Лей молится Гитлеру, как новому Христу, и видит в расизме божественное откровение, а в партии орден священников и проповедников, призванных блюсти священную доктрину.

Но, учитывая опасность религиозной борьбы для целостности и прочности режима, вожди третьего Рейха не решаются идти на окончательный разрыв с христианством. Попытки возрождения германского язычества были осуждены Гитлером и Розенбергом, как реакционные. Партия избирает путь не открытой борьбы с церквями, а создания чего-то аналогичного живо-церковничеству. От обоих исповеданий она требует полного принятия расизма и антисемитизма и в будущем усвоения «позитивного» христианства, утверждающего Христа в облике белокурого арифта, бога европейцев, «освобожденного от всей той ерунды, которой окружили его образ еврейские золоты, вроде апостола Матфея, и материалистические раввины, вроде апостола Павла» (например, от «ложно приписываемых» Христу слов: «Если кто ударит тебя в правую щеку — подставь ему и левую», о любви к ближнему и т. п.).

В своей книге «Немецкий дневник» де-Ружмон²⁾ приводит интересный документ, приоткрывающий истинный характер этого «очищения» христианства.

Из письма студента X: «Я был приглашен моей корпорацией провести две недели в учебном лагере, организованном N. S. D. St. V. (Союз студентов национал-социалистов). Курс начался лекцией: «Наша кровь, наше мпросозерцание»... Я стенографически записал главные формулы: «§ 24 программы Партии имеет в виду исключительно «позитивную религиозность». И только для большей ясности и единственно из-за того, что распространенная в стране религия — христианство, был принят термин «позитивное христианство»... Нам придется повести открытую борьбу с различными исповеданиями; но это будет не борьба насильем, так как исповедания умрут сами собой... Мы отбрасываем не только различные формы христианства, но и само христианство. Нужно бороться даже с христианами, лояльно желающими служить народу, так как их заблуждение пагубно для национального единства и, в силу чуждого расового происхождения, противоестественно. В христианстве нужно бороться: с неблагоприятными еврейскими сказками, с догматом первородного греха, с еврейским дуализмом души и тела, с имморальностью любви к ближнему без предварительного выбора, с интернационализмом и т. д.»

Так, под прикрытием «позитивного христианства», правящая партия стремится перевоспитать новое поколение в духе религии, при-

²⁾ Denis de Rougemont. Journal d'Allemagne.

знаваемой самими идеологами расизма противоположной христианству. «Наша эпоха — говорит Розенберг — отказывается от безграничного Абсолюта. Она отворачивается от всего того, что выходит за пределы живого органического существа; она отворачивается от учений, стремящихся мирными или насильственными путями к установлению сверх-человеческой общности всех человеческих душ. Таково было учение о христианизации мира и о спасении чрез посредство Христа, сошедшего на землю. Такова была мечта о гуманизации всего Человечества. Этот идеал был похоронен в кровавом хаосе мировой войны и заглушен появлением нового учения. У этого ветхого идеала еще остались жрецы и сторонники, проникающиеся все больше и больше фанатизмом — но жизнь пошла другим путем».

В сознании самого Розенберга, это путь революции (вернее, контр-революции), против всей европейской христианской культуры: «15 веков европейской истории показывают нам, что все нации... развивались в плапе универсальной концепции мира... Религиозный универсализм католичества, затем... протестантской догмы; универсализм морального и социального порядка, созданный французской революцией... Всему этому национал-социалистическая Германия противопоставляет высшую ценность — Национальную честь».

Нужно сказать, что, утверждая себя как контр-революцию против «христианизации» мира, национал-социализм чрезвычайно последователен. Каждой стороне христианского идеала он противопоставляет идеал прямо противоположный, зовущий на путь возвращения к миру, каким он был до пришествия Христа.

Так вселенскому евангельскому Богу милосердия и абсолютной справедливости он противопоставляет «национального» Бога, подобно древним богам клана, племени или города, являющегося обожествленным олицетворением расового коллектива, утверждаемого как высшая реальность и ценность, несоизмеримая ни с какими другими. Упрощая и искажая мечту 18-го и 19-го немецких веков об органической и религиозной общине, идеологи расизма учат о Нации — теле Бога, нации — Церкви, предсуществующей своим членам и имеющей право требовать от них «тотальной» жертвы их жизнью и деятельностью.

Совершенно последовательно, противопоставляя себя христианству как мистической религии, соединяющей человека с Любовью Божией ко всему миру, к каждому человеку, кто бы он ни был, еврей или иудей, национал-социализм приходит к отрицанию и евангельского утверждения абсолютной ценности человеческой личности. Вся реальность индивидуума определяется только степенью, в какой в нем выражены законы крови и расовые качества.

Гегбельс учит — идеализм наци сообщает народу трансцендентную миссию. Он делает из нации великую реальность. И эта реальность

— индивидуум на службе общины. Что листья без дерева? Ничто. В органической жизни считается только дерево.

Не государство для индивидуумов, а индивидуумы для государства-расы. Право не есть дело Человечества, неизвестного миру, но означает защиту тоталитарного коллектива. Железная дисциплина заставит каждого действовать в интересах национального целого. Чувства любви и сострадания должны быть отвергнуты, ибо они не содержат в себе элемента действительности, необходимого для нации и государства. Главная доблесть северной души — полная преданность коллективу. «Солдатское товарищество» — вот великое таинство немецкой революции. «Блаженны поступающие всегда, как добрые товарищи».

Так, совершенно естественно, выступая как реакция против христианства, расизм приходит к отрицанию вырастающего из евангельской справедливости идеала демократии, утверждающего абсолютную ценность личности каждого человека, неприкосновенность ее прав и равенство в этом всех людей, объединяемых мистической любовью в одно всемирное братство. Каждой из сторон этого идеала замысел общественного строя наци противопоставляет идеал прямо-обратный: свободе — тотальную авторитарность, равенству — иерархичность, братству — аморфность обезличенной массы, ведомой вождем.

Гитлер различает «фюрера» и «массу». Расизму отвратителен эгалитаризм. Он стремится создать вид диктаторского аристократизма, последствие или выражение авторитарного биологизма. Принцип расового неравенства и борьбы рас переносится внутрь народа. Выдвигается правящий, наиболее чистый в расовом отношении отбор, призванный вести массу. «Личность сливается с ответственным вождем. Персонализм для вождей, безличность для ведомого народа. Его аморфная, «пластическая» масса должна быть охвачена железной арматурой иерархически-построенного ордена правителей, образцами для которого должны служить корпус прусских офицеров и Тевтонский орден. Весь общественный строй основывается не на сотрудничестве, а на командовании и держится на «солдат — волях».

Наиболее законченное свое выражение этот политический и социальный солдатизм находит в учении Роберта Лей, фюрера Фронта Труда. Биологический и расовый характер Нации-Церкви сливается у него с представлением общества как единой дисциплинированной армии рабочих-солдат. «Изгоните из ваших умов всякую мысль, не вдохновленную любовью к нашему народу. Исповедуйте всегда: Германия, Фюрер, национал-социализм. Исполняйте ваш долг и данные вам приказы, как солдаты, точно и практично, следуя самой строгой дисциплине».

Если представить себе, что в один прекрасный день у муравьев проснулось бы сознание, подобное человеческому, то та сила инстинкта, которая заставляет их работать для муравейника и жертвовать

всем для его сохранения, обратилась бы, вероятно, к их разуму в выражениях, напоминающих учение Лея.

Действительно, идеал национал-социализма до странности напоминает первобытную структуру общества, воссоздаваемую социологами путем изучения кланов самых отсталых и выродившихся народностей.

Строй — большей частью «олигархический» и «монархический»: одновременно — собрание старейшин и абсолютная власть вождя, монополизировавшего в свою пользу власть тотема, обожествленного, коллективного и неделимого, имманентного клану связующего принципа, являющегося как бы гением или душой расы, самой сущностью, могуществом и державностью клана.

Здесь легко провести полную аналогию с правящим орденом наци и с учением о Фюрере как выразителе «Volkstum'a», открывающим народу, светом своей мысли и духом своих решений, его глубокую, бессознательную волю. Поэтому власть фюрера не может быть ограничена никакой конституцией. Он «эманация» национальной воли. Это придает его действиям «почти сомнамбулическую уверенность», перед которой не могут устоять никакие препятствия...

«Индивидуум, с самого момента рождения, является пленником группы, в состав которой он входит. Она навязывает ему свои нравы, свои верования, свой образ жизни и заставляет его жениться в определенной среде. Солидарность членов этой группы совершенно тоталитарна. Не только их деятельность, но даже их мысль и выражения самых интимных чувств определяется социальным принуждением. Молодой австралиец, посвященный старейшинами в войны, становится живым оплотом принципов и ритуалов традиции, долженствующей обеспечить целостность и сохранность общества». 3)

Если заменить молодого австралийца молодым германцем, то все это типичное описание клана легко сможет сойти за столь же типичное в доктрине национал-социализма описание нации-церкви.

Наконец — авторитарный и иерархический, держащийся на железной, почти автоматической дисциплине строй первобытного общества порождается, прежде всего, инстинктом войны, необходимостью защищаться от всех других таких же термитообразных социальных групп. Стоит ли даже говорить, что вся организация гитлеровского рейха, превращающего весь народ в огромное военное поселение, не снившееся и Аракчееву, есть прежде всего организация, создаваемая для войны, этого основного закона жизни и прогресса, по учению наци. Первый натиск германской революции — мировая война 14-го года, был сорван не поражением немецкой армии, а тем, что общество оказалось недостаточно дисциплинированным, организованным и жертвенным, чтобы поддержать армию до конца.

3) R. Kreglinger. La Mentalité primitive.

Таким образом, если эволюцию человечества можно определить, как движение от природной раздробленности на враждующие друг с другом тоталитарные человеческие муравейники к питаемому мистической любовью Евангелия идеалу Божественного Града, обнимающего все человечество и строящегося на утверждении личности и свободы, равенства и братства всех людей, то «германская революция» есть процесс обратный, процесс возвращения к первобытному состоянию, и поэтому справедливо может быть названа мировой контр-эволюцией.

При чем, если бы даже в учении самих доктринеров наци этот замысел возвращения к органическому тоталитаризму общества не принял характера религиозной проповеди, мы все-таки были бы в праве говорить о национал-социализме, как о религии. Уже сам по себе процесс полного поглощения личности коллективом неизбежно сопровождается выделением религиозности подобного рода, сводящейся к сакральному культу вождя, олицетворяющего обожествляемый коллектив, хотя это обожествление и может выразиться в религиозной идеологии отличной от национал-социализма, например, как у дикарей, в представлениях, связанных с тотемом и маной, или даже обойтись совсем без всякой метафизики, как это имеет место в культе Сталина. Преимущество гитлеровцев в данном случае заключается, мне кажется, в том, что они создали учение, повидимому, с наибольшим соответствием выражающее эту религиозность, являющуюся как бы «секрецией» самого института стадности, лежащего в основании общества.

В своей упомянутой уже нами книге «Немецкий дневник» де-Ружмон дает описание митинга, на котором он присутствовал в Германии. «В свете прожектора на пороге появился человек в коричневом. Сорок тысяч рук подымаются, как одна. В оглушительном громе криков «гейль!», человек медленно продвигается к трибуне, приветствуя неторопливым епископским жестом. ...Никто не замечает, что у меня руки в карманах: они стоят напряженно-вытянувшись, равномерно крича и пожирая глазами это восторженно улыбающееся лицо; по их щекам текут слезы...

Я понял.

Это можно понять только по особой дрожи и биению сердца... То, что я испытываю сейчас, нужно назвать священным ужасом.

Я думал, что я присутствую на массовом митинге, при политической манифестации. На самом деле они справляют свой культ! Это совершается литургия, главная священная церемония религии, к которой я не принадлежу, и которая подавляет и отталкивает меня даже физически, с гораздо большей силой, чем все эти страшно напряженные тела...

Я никогда не забуду этого крика... Это был стон любви, вырвавшийся из души масс, мрачный и могучий стон народа, которым вла-

дест человек с зачарованной улыбкой, — чистый и простой, друг и непобедимый освободитель...».

Вернувшись с этого митинга, Ружмон написал своим друзьям во Францию: «Христиане, возвращайтесь в катакомбы. Ваша «религия» побеждена, ваши скромные церемонии, ваши маленькие собрания, ваши тягучие песни, все это будет сметено. Вам останется только вера. Но именно тогда начнется настоящая борьба».

Ни в какой степени не будучи фрейдистом, де-Ружмон несколько раз подчеркивает эротический характер массовой психологии современной Германии.

«В этой стране все, связанное с оружием и войной, соединяется с необыкновенным волнением чувств. Мне трудно не видеть что-то непристойное в этой возбужденности «освобожденного» населения. Я вспоминаю, что «*freiен*» (освобождать) значит также жениться. Занятие Рейнской области — род сексуального акта, во всяком случае в меньшей степени, чем акт политический. Как иначе объяснить эту странную эвфорию, разлившуюся в воздухе города, в движении толпы, в перекрестных взглядах и невпопад сказанных словах?».

Все знают по кинематографическим хроникам эту картину, описываемую Ружмоном: иступленно-восторженные лица, с расширенными глазами, кричащие в изнеможении счастья, шлемы солдат, знамена, и мимо медленно проплывает в автомобиле, как несомый на носилках идол бога воинств, человек с «мелко-буржуазным» лицом и чаплинскими усиками.

Все это невольно заставляет вспомнить Фрейда, по мнению которого в толпе происходит такое же перенесение идеала своего «я» на «предмет», как при половой любви: «первичная толпа представляется собранием индивидуумов, заменивших свой идеал «я» одним и тем же, общим для всех предметом, что влечет за собою отождествление друг с другом их собственных я».

Не знаю, читали ли идеологи национал-социализма Фрейда, но все их учение определяет соотношение Фюрера и обезличенной массы совершенно подобно тому, как Фрейд описывает роль вожака орды. Особенно ясно и цинично эта теория властного командования толпой, массами, народом выражена у Геббельса: «Немец переходит от печального и сурового ежедневного труда к коллективному опьянению, рождаемому праздниками». (С цинизмом всех «зеленых инквизиторов» Геббельс называет эту изменчивость «романтическим реализмом»). Нужно не любить массы, а вести их за собой, говорить на понятном им языке. При этом психологию массы Геббельс определяет почти совершенно так же, как Фрейд (такая же, как у детей и у невращенников): иллогичность — самые противоречивые идеи могут сосуществовать, не мешая друг другу, подвластность магической силе слов и образов (табу имен у дикарей), освобождение brutальных изначальных инстинктов, дремлющих в глубине каждого.

Пропаганда должна сделать эти инстинкты народа сознательными: массы любят нетерпимость и грубость. Им нужно дать не абстрактную программу, но Образ мира, который сосредоточит их на Еврее, общем враге, и на национальном единении, или общем Долге.

Пропаганда, должна проникать всю жизнь «как газ, в'едающийся даже в самые плотные тела». Она должна быть безграничной в своем разнообразии и гибкости приспособления: для каждой социальной группы своя, особо приуроченная пропаганда. Она должна вестись повсюду, «даже в трамвае».

Обладая всеми ресурсами современной техники (печать, радио, кинематограф), эта пропаганда должна непрерывно поддерживать в немцах психическое состояние орды. Повидимому, как и в советской России, сегодня в Германии у человека не бывает ни одной минуты, когда бы он мог опомниться от опьянения, остаться паедине со своєю совестью. Даже когда физически он не участвует в каком-нибудь коллективном действии, пропаганда все время поддерживает его сознание в том гипнотическом состоянии зараженности массовой психологией, о характере которого можно составить представление, по приводимым мною выше цитатам из Ружмопа, Фрейда и самих доктринеров национал-социализма.

В задание моей статьи не входит разбор всех сложных причин, породивших германскую «революцию» и определивших ее характер. Мне хотелось только, дав хотя бы самый беглый очерк сопровождавшей ее народной реформации, указать на ту реальную опасность срыва всей эволюции человечества, которую она с собой несет.

Правда, самое это слово «эволюция» имеет столько толкований, что собственно не вызывает никаких точных представлений. Поэтому, во избежание недоразумений, оговорюсь: — я принимаю его в значении, какое придал ему Бергсон: «Вселенная есть машина для создания богов». Тогда сущность национал-социализма можно определить, как попытку остановить действие этой машины и заставить человечество пойти в обратном направлении — превращения человека, созданного по образу и подобию Божию, в жестокое и сомнамбулическое двуногое насекомое.

Д. Владимиров.